DOI 10.15826/usos.2023.13.2
УДК 94(540)"15" + 94(4–15)"15" + 008 + 27-789 + 910.4(21)"15" + 930.85

Д. В. Возчиков

«МОГУЩЕСТВЕННЕЕ ТУРКА»: ИМПЕРИЯ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДВУХ ВЕНЕЦИАНСКИХ КУПЦОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Аннотация. Данная статья посвящена образу империи Великих Моголов в травелогах венецианских купцов Чезаре Федеричи (путешествовал по Востоку в 1563–1581 гг.) и Гаспаро Бальби (путешествовал по Востоку в 1576–1588 гг.), заставших в Северной Индии эпоху экспансии Великих Моголов при падишахе Джалал ад-Дине Акбаре, отмеченную также бурными духовными и интеллектуальными исканиями. Великие Моголы на тот момент были хуже известны португальской администрации «Государства Индии», чем другие крупные державы и княжества субконтинента, а венецианцы в значительной мере смотрели на события в Южной Азии через португальские описательные схемы. В отличие от, к примеру, Кочина, отдельного очерка Могольская империя в травелогах Федеричи и Бальбе не удостоилась. Федеричи бегло описал завоевания «великим Маголом, королем мавританским», Гуджарата и Бенгалии, считая, что эти территории были захвачены Моголами почти без сопротивления. Известия Федеричи оказали значительное влияние на композицию и манеру изложения травелога Бальби, однако в тех частях, где речь шла о Моголах, сведения Бальби вполне уникальны. Травелог Бальби, для которого харакретно внимание к деталям и слухам, сохранил почерпнутые им в порту Диу известия о приезде миссии иезуитов ко двору падишаха, «великого короля Магора», и слухи об обращении к христианство самого государя и его подданных. Правда, как далее отмечал сам купец, слухи оказались ложными. Однако внимание к ним в данном случае выдавало характерное еще для средневековой традиции Запада чаяние обрести сильного христианского союзника где-то в Индии. Столичные области империи Федеричи и Бальби не посещали. Могольская империя оставалась для путешественников во многом новым и непредсказуемым актором на политической карте Индии, однако ее растущая мощь и влияние вполне явственно осознавались венецианскими наблюдателями.

Ключевые слова: империя Великих Моголов, Венецианская Республика, Чезаре Федеричи, Гаспаро Бальби, ориентализм, иезуиты, путешествия раннего Нового времени

Dmitry V. Vozchikov

“MIGHTIER THAN THE TURK”: THE MUGHAL EMPIRE AS SEEN BY TWO 16TH-CENTURY VENETIAN MERCHANTS

Abstract. The article deals with the Mughal imagery in two famous 16th-century Venetian travelogues, both synchronous to the reign of Akbar the Great, whose court formed a sophisticated intellectual milieu and pursued tolerant religious policy. These accounts were written by the merchants Cesare Federici (traveled in the Middle East and Asia in 1563–1581) and Gasparo Balbi (traveled in 1576–1588). Their works prove to be quite highly dependent on the Portuguese despcriptive models and their authors had often observed India through the Portuguese colonial lens, however many details in their accounts were unique. Unlike, e. g., Cochin, the notes on the Mughal Empire did not form a separate chapter in the travelogues of Federici and Balbi. Federici briefly described the conquests of Gujarat and Bengal by “the Great Magol, the Moorish King”, believing that these wealthy territories were captured by the Mughals almost without any resistance. Federici’s narrative had a significant impact on the composition of Balbi’s travelogue, but in his notes on the Mughals, Balbi was independent. Balbi with his attention to details of everyday life and sometimes to the gossips and rumors, preserved the news he had gleaned in

the port of Diu about the arrival of the Jesuit mission to the court of the padishah, the “great King of Magor”, and rumors about the conversion of the sovereign himself and his subjects to Christianity. But as the jeweler further noted, the rumors had turned out to be false. However, his attention reveal an influence of the medieval Western aspiration to find a mighty Christian ally against the Middle Eastern Mulsim powers somewhere in India. Federici and Balbi had not been to the capital region of the empire. For them, the Mughal Empire remained a new and rather unpredictable force on India’s political map, although the Venetian observers were clearly aware of its rising military power and influence.

Keywords: Mughal Empire, Republic of Venice, Cesare Federici, Gasparo Balbi, orientalism, Jesuits, early modern travels

Первая половина XVI в. в истории Южной Азии отмечена утверждением в регионе двух экспансионистских сил, активно использовавших огнестрельное оружие. Если на морских торговых путях и в ряде ключевых портов обрела господство португальская колониальная империя, то крупнейшая сухопутная держава северной части субконтинента, Делийский султанат, была в 1526 г. сокрушена Бабуром, основавшим империю Великих Моголов, оказавшуюся в итоге одной из наиболее успешных «пороховых империй» Евразии. Наименование «Великий Могол» представляет собой воображаемый титул, сформированный на основе названия одной из категорий мусульманской знати в Южной Азии («могол», «мугхал») по аналогии со стандартным в Европе величанием османского султана титулом «Великий Турок», или просто «Турок». Впервые титул «Великий Могол» появился в португальском лексиконе и быстро был заимствован другими европейцами. Это наименование на века утвердилось в западном «ориентальном» мифе как символ поражающей воображение роскоши, несметных богатств и огромной власти. Сами падишахи из династии Бабура моголами себя не назвали [Ванина, 1997, с. 20–21].

Настоящая статья посвящена представлениям о Великих Моголах в эпоху падишаха Джалал ад-Дина Мухаммада Акбара (1556–1605), запечатленным в травелогах двух современников – венецианских купцов Чезаре Федеричи (он же – Чезаре деи Федричи, 1521–1601 [Tucci, 1995]) и Гаспаро Бальби (ок. 1550 – между1621 и 1625 [Viaggi di C. Federici…, p. XXVI–XXVIII]). Рассмотрение этих отчетов о путешествиях дает возможность не только определить степень уникальности и стереотипности сведений о Могольской империи в них, но и через них явственнее увидеть ряд особенностей мировоззрения самих авторов как «людей второго плана» своей эпохи. Жизнь первого из авторов – любознательного и не всегда удачливого купца – весьма скудно освещена в источниках. В 1563 г. Чезаре Федеричи, сын Джироламо, уроженец Эрбано (современный Эрбанно), будучи уже опытным торговцем [Viaggi di C. Federici…, p. XXII], вложил в разные товары 1200 дукатов и отбыл на корабле «Граденига» из Венеции на венецианский Кипр, откуда, в свою очередь, отправился в Триполи в османской Сирии, стремясь «повидать страны Леванта», а после болезни и потери многих средств из-за разграбления каравана отправился в Индию [Tucci, 1995]. Восемнадцать лет (1563–1581) он провел на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии. Отчет о его торговых поездках и приключениях с обыкновенно для того времени длинным, объясняющим и завлекающим названием «Путешествие мессера Чезаре деи Федричи

в Восточную Индию и за пределы Индии, в коем содержатся занимательные явления обрядов и обычаев тех стран, а также описываются пряности, снадобья, драгоценные каменья и жемчуга, что из них вывозятся; с некоторыми полезнейшими предупреждениями тем, кто бы пожелал совершить такое путешествие» [Federici], был опубликован в Венеции в 1587 г. Травелог Федеричи, редактором которого выступил церковный писатель-моралист фра Бартоломео Дониджи да Фано, быстро завоевал известность в Венецианской республике и за ее пределами, в частности в Англии, где уже в 1588 г. вышел его перевод [Tucci, 1995].

Вскоре у травелога Федеричи нашелся талантливый подражатель с не менее насыщенным опытом странствий. В Венеции в 1590 г. была опубликована книга его младшего современника и соотечественника ювелира Гаспаро Бальби «Путешествие в Восточные Индии Гаспаро Бальби, ювелира венецианского, в коем содержатся сведения, сколько он в упомянутом путешествии повидал на протяжении девяти лет, проведенных в нем с 1579 и до 1588 года. С сообщением о пошлинах, мерах и весах во всех городах, посещенных в том путешествии, и о правлении короля Пегу, и о войнах, которые он вел с другими королями – Авы и Сиона [Сиама]» [Balbi]. Фактов из биографии Гаспаро Бальби, сына Джованни, известно еще меньше, нежели из жизни Федеричи. Свое путешествие по Азии Бальби начал в 1579 г. из османского Алеппо. Далее, пройдя Ирак, венецианский купец отправился из Басры в Ормуз и далее – в Гоа [Tucci, 1963]. Ему удалось побывать за почти десять лет в ряде государств Индии и Юго-Восточной Азии, главным образом – в Бирме. В отличие от Федеричи, который не всегда стремился указать даты пребывания в определенном городе, Бальби проявил в этом деле большую скрупулезность, стараясь нередко фиксировать время того или иного события с точностью до часа.

Травелог Бальби содержал довольно много фрагментов, взятых из сочинения Федеричи с минимальными изменениями, главным образом, в разделах, посвященных Ближнему Востоку и Южной Азии. Однако деталей, связанных с Моголами, это не касалось. По мнению Я. Шарпантье, Бальби «обобрал своего предшественника самым бесстыдным образом» [Charpentier, p. 157]. Современная историография отошла от категорических оценок заимствований в травелогах XVI–XVII вв. как плагиата. Х.-П. Рубьес полагает, что причина распространенного копирования postfactum чужих сведений даже бывалыми путешественниками, вроде Бальби, лежала в целеполагании самого жанра: совпадение сведений подтверждало в глазах современников достоверность данных сочинений [Rubiés, p. 105]. Травелог раннего Нового времени вобрал в себя элементы разных жанров, от строго маршрутного описания до мемуаров и развлекательного чтива о дальних краях, сочетая эту пестроту с консерватизмом структуры и манеры изложения.

В историографии труды двух венецианцев, несмотря на свою широкую известность, пользуются, в целом, меньшим вниманием, чем синхронные или близкие им по времени португальские сочинения. Критическое издание травелогов Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби под редакцией Ольги Пинто вышло в 1962 г. [Viaggi di C. Federici…]. Х.-П. Рубьес, отдельно исследуя рассказ Федеричи о поражении индуистской империи Виджаянагар при Таликоте в 1565 г., отмечает значитель-

ную ценность свидетельств венецианского купца, преимущественно отражавших точку зрения многих подданных этого государства, а также утверждает, что отчет Федеричи в тех частях, где автор давал экскурсы в прошлое посещенных стран и городов, был проникнут идеей историчности [Rubiés, p. 304–306]. Жанровые особенности травелога Бальби подробно рассматривает А. Стаццоне [Stazzone]. Как подчеркивает А. Стаццоне, даже поездка Бальби в Пегу, включавшая аудиенцию у бирманского короля Нандабайина, носила явно коммерческий, а не дипломатический характер, как можно было бы подумать [Stazzone]. При торговых целях поездок по странам Южной и Юго-Восточной Азии Федеричии и Бальби собрали достаточно сведений о быстро менявшейся военно-политической ситуации, которые, несомненно, оказались ценны для властей «Светлейшей Синьории».

Исламский мир для цивилизации христианского Запада в эпоху высокого и позднего Средневековья, а также Нового времени был наиболее важным из Других, с которыми европейская культура встречалась, взаимодействовала и конфликтовала. В европейской политике и культуре (причем – как в католических, так и в протестантских государствах) XVI в. ключевым репрезентантом исламского мира была Османская империя, находившаяся тогда в зените могущества и на пике завоевательной активности. Норвежский исследователь И. Нойманн отмечает: «Если “Сарацин” был для Европы “Другим” с религиозной точки зрения, то “Турок-осман” на равных соперничал с самой Европой, будь то в кодификации монотеистической религии, в эффективности политической организации или в военной мощи» [Нойманн, с. 83]. Однако османская экспансия и противостояние ей во многом продолжали осмысляться европейцами во вполне средневековых категориях, что отражалось в эсхатологических ожиданиях, в представлении о чудесах и знамениях. Идеи крестоносного движения, главной целью которого еще с последней трети XIV в. стало противостояние именно завоеваниям турок-османов, в раннее Новое время находили новые формы, но сохранили ряд своих несущих конструкций. Западные христиане XVI в. видели в войнах с Османской империей часть более общей и насущной для христианского мира задачи – освобождения Святой Земли и Иерусалима [Лучицкая, с. 172]. В ходе завоевания Мамлюкского султаната (1516–1517) Османская империя установила власть и над Иерусалимом. Блестящая победа Священной Лиги над превосходящими силами османского флота при Лепанто 7 октября 1571 г. единодушно прославлялась как чудо и католиками, и протестантами [Кардини, с. 216].

Совершенно не случайно, что именно «Турок» (Turco) в травелогах обоих венецианцев несколько раз оказывался мерилом могущества и богатства среди восточных государей. Правда, не всегда это сравнение было в пользу османского султана. В частности, в рассказе о короле Бирмы (Пегу) Байиннауне (1551–1581, в отчете он назван по титулу – Re del Pegù) Федеричи отмечал: «На море, король Пегу не располагает какой-либо силой, зато на суше в людях, подвластных странах, золоте и серебре он далеко превосходит силу Турка» [Federici, p. 121].

Начиная с рубежа XV–XVI веков первенство в формировании и развитии европейского дискурса о странах Востока перешло от Венецианской республики к Португалии, за короткий срок создавшей колониальную империю в акватории

Индийского океана, во многом – в виде более масштабной версии модели колониальной империи Венеции в Средиземноморье как цепи опорных торговых пунктов. Однако Республике Св. Марка удалось во многом сохранить достигнутые ранее позиции в восточной торговле и в ряде областей почти на равных соперничать с Португалией. Один из наиболее информированных о ситуации на Востоке европейских авторов своего времени португальский аптекарь, доверенное лицо короля Мануэла I (1495–1521) и впоследствии глава неудавшегося посольства в империю Мин Томе Пиреш (Пириш) в энциклопедическом труде «Сумма [представлений о] Востоке, в которой рассказано о [землях] от Красного моря до Китая» (1515) [The Suma Oriental of Tomé Pires…; Новакова; Симонова-Гудзенко; Ульянов, с. 7] вполне однозначно видел в Республике Святого Марка самого сильного европейского конкурента Португалии в транзитной торговле пряностями из Индии и Нусантары. Пожалуй, самой растиражированной впоследствии фразой из сочинения Пиреша стало утверждение в описании недавно завоеванной португальцами Малакки, важнейшего торгового центра Юго-Восточной Азии: «Кто бы ни был властителем Малакки, он держит своей рукой Венецию за горло» [The Suma Oriental of Tomé Pires…, vol. 2, p. 287].

Но, несмотря на прочный контроль над Малаккой, которую Португалия удерживала с 1511 по 1641 гг., и настойчивое стремление привязать маршруты следования азиатских купцов к португальским колониям в Государстве Индии (Estado da Índia), в полной мере «взять за горло» Венецианскую республику, более опытного игрока на восточных рынках, пусть и не имевшего колоний в Индийском океане, ей так и не удалось. Политика жесткой регламентации торговли в акватории Индийского океана при невозможности в полной мере обеспечить ее реализацию и активное участие как индийских купцов, так и самих португальцев в «незаконной» торговле в конечном счете стимулировали возрождение уже к середине XVI в. османской Александрии и Венеции как центров перечной торговли [Хазанов, 2003, с. 243–244].

Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби путешествовали по акватории Индийского океана преимущественно по маршрутам, находившимся под контролем португальцев. Отсюда и очевидная, хотя и частичная зависимость их сообщений от уже устоявшихся португальских описательных схем, а в ряде случаев – португальского видения расклада политических сил и интересов в Южной Азии. В рассказе о Кочине купец подчеркивал, что в Индию стремились выходцы из разных стран Запада: «Король Кокина (Cochin) – король языческий (Re Gentile), очень дружественный по отношению к королю португальскому и верный ему, и дружественный к португальским горожанам, которые проживают в Кокине Португальском, будучи женатыми, а этим именем португальцев называют в Индии всех христиан, что с запада прибывают, будь то итальянцы, или французы, или немцы» [Federici, p. 55]. Для государств Индии – как индуистских, так и мусульманских – главным европейским Другим были португальцы.

Федеричи и Бальби в соответствии с общепринятой для европейской описательной традиции схемой делили жителей Востока на «мавров» (mori) и «язычников» (gentili), под последними подразумевались последователи всех неавраамических

религий без четкой дифференциации. Структурной единицей того и другого сочинения обычно было описание города, государства или острова, однако, в отличие от Кочина или Пегу, гигантская держава Акбара отдельного описания так и не удостоилась ни у Федеричи, ни у Бальби. Это объясняется недостаточной в это время информированностью о Моголах португальцев, для которых эта держава долгое время оставалась куда менее известным (и оттого внушающим особые опасения) государством, нежели, к примеру, деканские султанаты Ахмаднагар и Биджапур. По мнению Жоржи Флориша, по-видимому, именно Акбар, третий падишах Могольской державы и первый из них, кто родился в Индии, стал первым правителем империи, который прочно вошел в политический и религиозный лексикон португальцев, а его вторжение в Гуджарат в португальском Государстве Индии было воспринято как новая и серьезная угроза [см.: Flores]. Отношения между Португалией и Моголами складывались противоречиво, с одной стороны, португальцев раздражали захват Моголами богатого Гуджарата и их стремление на юг, с другой, обе стороны в целом были заинтересованы во взаимовыгодных торговых связях, а в 1578 г. при дворе Акабра в Агре вполне радушно был принят португальский посол Антониу Кабрал, вернувшийся от падишаха с просьбой прислать к нему «двух падре» для разъяснения христианского учения, что и было вскоре осуществлено с приездом к могольскому двору ученых иезуитов [Ванина, 2011, с. 39]. Ни Федеричи, ни Бальби не посещали столичный регион империи Великих Моголов и не ставили себе целью его описать. Пышный город-ставка Акбара Фатехпур-Сикри находился вдалеке от освоенных португальцами торговых магистралей.

В первый раз Федеричи упомянул Великого Могола в пространной главе «Гоа, Диу и Камбайя», в которой, помимо португальских колоний, подробно описывались богатства и торговые связи Гуджаратского султаната. Это государство, именовавшееся в травелоге «Камбейским королевством» (Regno di Cambaia), – по названию ключевого торгового порта Камбея (совр. Кхамбхат, в травелоге Федеричи – Камбайетте, Cambaiette), уже находилось в упадке к началу путешествий венецианского купца по Индии. И, странствуя по Южной Азии, Федеричи застал исчезновение этой еще недавно могущественной региональной державы. Купец сообщал: «В целом, Королевство Камбейское – место великой торговли и ведения дел со всем миром, которое с некоторого времени находится в руках тиранов. Поскольку шестьдесят пять лет назад во время одного дела на Диу был убит его истинный король языческий (vero Re Gentile) по имени Султан Баду, четверо или пятеро его капитанов поделили королевство между собой, и каждый тиранствовал (tirannegiava) в своей части. Но двенадцать лет назад Великий Могол, мавританский король Агры и Дели (il gran Magol Re Moro d'Agra e del Deli), что в сорока днях пути от Амадауара (Ахмадабада), захватил все Камбейское королевство без какого-либо сопротивления. Поскольку он вторгся с очень сильным и многочисленным войском и нашел королевство разделенным, не было никого, кто ему бы противостоял, но все сразу же подчинились ему, а эти люди – тираны зверского нрава» [Federici, p. 23].

В этой историописательской вставке в описании Гуджаратского султаната Федеричи кратко и не вполне точно изложил события его недавней политической

истории. Султан Баду – последний значительный правитель этого государства султан Бахадур-шах (1526–1535 и 1536–1537). Федеричи, обычно четко отделявший «мавров» в Индии от «язычников» (индуистов) ошибочно или, возможно, следуя почерпнутой от португальских собеседников уничижительной характеристике (как противника христиан-португальцев) относил Бахадур-шаха к язычникам. По мере сил Бахадур старался противостоять португальской экспансии, однако был вынужден в условиях угрозы со стороны других завоевателей – молодой державы Великих Моголов – пойти на союз с Португалией. Бахадур предоставил португальцам в качестве базы остров Диу, где в 1536 г. они завершили строительство форта [Хазанов, 2014, с. 51–52]. Впрочем, вскоре Бахадур-шах, убедившись в пагубности союза с португальцами, которые после установления контроля над Диу стали действовать в Южной Азии еще более бесцеремонно, пренебрегая интересами союзников, попытался заключить альянс с Османской империей против португальцев, но те организовали его убийство во время переговоров в 1537 г. Характерно, что об этом убийстве Федеричи поведал очень обтекаемо. В отношении обстоятельств гибели султана данные источников расходятся. В официальной имперской хронике Великих Моголов «Акбар-наме», написанной одним из ближайших сподвижников Акбара Абу-л Фазлом, к примеру, сообщалось, что в ходе завязавшейся стычки на борту португальского судна Бахадур-шах сам бросился в море и утонул [The Akbar Nama of Abu-l-Fazl, vol. I, p. 323]. В 1573 г. Гуджаратский султанат, бывший долгие годы ареной непрекращающихся междоусобных войн между наместниками с участием португальцев и абиссинских гвардейцев, был захвачен империей Великих Моголов [История Индии в средние века, с. 281]. Чезаре Федеричи видел в утрате государством законного правителя залог его скорого распада и поглощения более сильным соседом, и слово «тиран» в его отчете имеет преимущественно смысл «узурпатор» или «захватчик».

Могольская экспансия в Восточной Индии также нашла отражение у Федеричи. «Орисса (Orisa), – сообщал путешественник в главе «Орисса и река Ганг», – некогда была весьма славным и безопасным королевством, через которое можно было пройти с золотом в руке без какой-либо угрозы, пока царствовал его законный король (Relegitimo), который был язычником и проживал в городе Катека (Catecha, Каттак), расположенном в глубине суши на шесть дней пути. <…> Примерно шестнадцать лет прошло, как это королевство было захвачено и уничтожено патанским королем (Re di Patane), который также был королем большей части Бенгалии. Он сразу установил пошлину в двадцать процентов, которая взималась в его королевстве. Но недолго этот тиран наслаждался захваченным, поскольку он сам через несколько лет был покорен другим тираном – Великим Моголом, королем Агры, Дели и всей Камбайи (grande Magol Re d'Agra, del Deli, e tutta Cambaia) – почти без единого взмаха меча» [Federici, p. 88–89].

Правитель Бенгалии, фигурирующий в травелоге, – это Сулейман-хан Карани (1566–1572), воображаемый титул которого – «король патанский» – указывал на его пуштунское происхождение. Наименование патанов в Индии получили пуштуны и их потомки. Наряду с категориями сайидов, шейхов и моголов, патаны являются частью мусульманской знати (ашраф – «благородные») в северной час-

ти Южной Азии. Эти четыре сословные группы нередко сравниваются с кастами [Котин, с. 74–75]. Сулейман-хан завоевал Ориссу в 1568 г. после смерти ее царя Мукунды Дэвы [Roy, p. 175]. Однако Федеричи или заблуждался относительно покорения Моголами Бенгалии без серьезного сопротивления, или описывал ситуацию в регионе до момента смерти Сулейман-хана. Сулейман признавал формальный сюзеренитет Акбара, отправляя тому дань и поминая его имя в хутбе, однако после смерти Сулеймана в 1572 г. его сын Давуд разорвал даннические отношения с Моголами. В 1574 г. началась затяжная война, в ходе которой афганская знать оказывала отчаянное сопротивление Акбару, лично возглавившему завоевание Бенгалии. Давуд сдался, но вскоре вновь восстал, был разбит и казнен, а Бенгалия в 1576 г. вошла в состав империи Великих Моголов [Алаев, с. 164; История Индии в средние века, с. 391]. Нетрудно заметить, что в отчете Федеричи воображаемый титул падишаха Акбара прирастал новыми «королевствами» вслед за его завоеваниями: в описании Ориссы он уже фигурировал как «король… всей Камбайи».

Хотя Могольская империя и не получили отдельного описания в травелоге Федеричи, присутствие этой грозной и молодой силы, сравнительно быстро покорявшей огромные, богатые и еще недавно могущественные государства, было ощутимо в сочинении венецианца. Венецианский купец подчеркивал, что покорение падишахом Гуджарата и Бенгалии якобы прошло без значительного сопротивления местных элит. При этом ситуация до могольского завоевания виделась ему скорее более благоприятной для торговли, чем после.

Эпизодическое, однако весьма примечательное в плане представлений о Великих Моголах в сравнительно широкой торгово-мореходной среде сообщение о миссии отцов-иезуитов к падишаху Акбару содержится в главе травелога Бальби «Путешествие из Ормуза в Диу». Композиционно глава выстроена как скрупулезный, но не лишенный литературной образности рассказ о морском пути купца из контролируемого португальцами Ормуза до португальской крепости на острове Диу на португальском судне с различными товарами. 29 сентября 1580 г. Бальби отправился из Ормуза на судне португальского капитана Ормуза «синьора дона Консальво» (Гонсалу ди Менезиша), шедшем в Гоа [Balbi, p. 55; Viaggi di C. Federici…, p. 318]. В этой главе травелога наблюдательный ювелир сообщал о многом, что казалось ему удивительным и примечательным в пути, оказавшемся полном опасностей. Из достойных удивления природных явлений особенный интерес купца вызвала «весьма устрашающая» комета, появившаяся 10 октября 1580 г., «которая очень нас удивила» [Balbi, p. 56–57]. Уже в позднее Средневековье классические, унаследованные от греко-римской книжности и отчасти заимствованные у арабо-мусульманской традиции описания Индии образы фантастических животных, населяющих эту «страну чудес», постепенно отступали из европейской описательной географии. Однако вполне реальные животные, как слоны, носороги, крокодилы, экзотические рыбы, продолжали поражать воображение и возбуждать интерес путешественников. Чудеса баснословные в Новое время в основном были вытеснены чудесами реальными, осязаемыми и познаваемыми. Бальби, рассказывая о пути по Аравийскому морю из Ормуза, упомянул, как видел двух гигантских, «устрашающих и невероятных» рыб боль-

ше того корабля, на котором он плыл, которые, судя по словам моряков, были все-таки китами, а также сообщил о рыбах, прикосновение к которым рукой могло привести к болезни и иногда – смерти [Balbi, p. 56–57]. Далее Бальби отмечал: «…15 числа сего месяца (октября 1580 года – *Д. В.*) часу примерно в девятом увидели мы в море кита длиною с галеру, который пускал воду на высоту большую, чем мачта нашего корабля, но, поскольку кит был далековато от судна, я не мог его различить так, как мне того хотелось» [Balbi, p. 57]. А вот увиденные в море змеи или иные животные, внешне на расстоянии похожие на них, возможно, группы моллюсков [Viaggi di C. Federici…, p. 310], напротив, не были поводом для удивления Бальби и его попутчиков и не особенно вызвали интерес купца: по появлению этих животных моряки судили о близости берега [Balbi, p. 57].

Астральные и анималистические чудеса дополнились чудом вполне христианского характера, что часто входило в стандартный набор мифологем о «чудесах Индии». Когда ветер унес корабль далеко от курса, было решено, по обычаю «моряков тех стран», выставить знамя Святого Фомы, согласно традиции, основоположника христианства в Индии и покровителя странствующих, после чего ветер мигом прекратился и море успокоилось. «Оттого были мы, христиане, весьма утешены, но с превеликим удивлением» [Balbi, p. 58].

По мере приближения к Диу путешественник увидел побережье Гуджарата, подвластного Моголам:

«В середине дня [23 октября 1580 года – *Д. В.*] мы увидели один корабль у берега, что шел на восток, стремясь к острову Диу, куда направлялись и мы сами, а в 22 часа увидели мы место на морском побережье, именуемое Куринал (Curinal), со многими мечетями (moschee) их веры, где слышалось пение множества сверчков, а на корабль слетались мухи в огромном количестве, что весьма раздражало нас.

Тем временем обнаружили мы трех громадных рыбин над водой, подобных нашим скатам, но размером с лодку-буркьеллу для выкапывания грязи со дна, и которые производили сильный шум, а на их языке они зовутся лакан (lachan)» [Balbi, p. 58].

После того, как судно бросило якорь у крепости Диу, ему встретились две фусты, от людей на которых путешественники узнали несколько вестей. Во-первых, за несколько прошедших дней, вероятно, в результате шторма, были потеряны в том порту пять больших кораблей, шедших из Мекки, а вдоль побережья – еще шестьдесят пять больших и малых судов. Во-вторых, пришла весть о смерти португальского короля-кардинала Энрике (1578–1580) и вторжении в Португалию войска испанского короля Филиппа II (1556–1598), претендовавшего на португальский трон и вскоре занявшего его. С фуст поведали, «что кардинал, который был королем Португалии, скончался, оставив Великому Понтифику право распоряжаться Королевством Португальским по своей воле, и что была в Португалии чума и пришла громаднейшая армия непобедимого короля Испании, и что подобное было в Гоа из-за того, что воздух был заражен и испорчен трупами людей и слонов, убитых на войне, произошедшей года три или четыре тому назад, когда это войско привел осаждать Гоа король Диалкан (Dialcan Rè)» [Balbi, p. 59]. Весть о кончине короля Энрике, последовавшей 31 января, лишь осенью дошла

до сотоварищей венецианца [Viaggi di C. Federici…, p. 319]. Диалкан – заимствованное у португальцев наименование султанов Биджапура из династии Адил-шахов, и указание на осаду Гоа тремя или четырьмя годами ранее прибытия Бальби в Диу, по мнению О. Пинто, ошибочно: речь, скорее всего, шла о походе Али Адил-шаха в 1570 г. [Viaggi di C. Federici…, p. 319].

Далее Бальби приводил новую весть, пришедшую из Гоа:

«27 (октября 1580 года – *Д. В.*) прибыла другая фуста из Гоа, принеся предоброе известие, что великий король Магора (gran Rè di Magor) незадолго до того обсудил веру в Христа, Господа Нашего, с несколькими преподобными отцами Святого Павла и пожелал креститься вместе с женой и двумя сыновьями, и, когда это свершилось, весь прочий народ был крещен и обратился в веру Христову, будучи первоначально маврами; и что король, дабы показать, что он христианин от всего сердца, всегда, когда возносил молитву, держал перед собою распятие, а, чтобы показать, что он верен Христу также и во внешнем обличье, облачался по манере христиан-португальцев и что в том последовал ему народ его.

Сей король, как считается, намного могущественнее ныне и Турка, и короля Испании, и его мощь состоит в преогромном числе слонов и коней, которых он содержит в бескрайней своей стране окружностью в восемь тысяч миль.

В 18 [часов] мы ступили на землю города Диу и его крепости и убедились, что новость, касающаяся крещения короля Магора, которую принесла оттуда [из Гоа] та фуста, не была верной, поскольку подданные, напротив, хотели убить короля. По той же причине также были удалены от двора упомянутые отцы Святого Павла» [Balbi, p. 59].

Восторженное восприятие купцом и его спутниками известия, пусть и оказавшегося в итоге ложным, о принятии великой мусульманской державой христианства отражало средневековые и по духу, и по времени возникновения чаяния европейцев (отнюдь не только политической и церковной элиты) о приходе откуда-то из глубин Азии могущественного христианского союзника против мусульман Ближнего Востока. В такой роли часто представлялся возникший в европейской политической мифологии в середине XII в. Пресвитер Иоанн. Стремление же иезуитов обратить в христианство Акбара во многих положениях перекликались с популярной после захвата Мехмедом II Константинополя в 1453 г. среди гуманистов Запада идеей обращения турок в христианство и тем самым превращения грозного врага в могучего друга, выразившейся в проектах разной степени утопичности. Однако, если, к примеру, папа Пий II, призывая в 1461 г. султана-завоевателя принять христианскую веру, в действительности упрекал христианских государей в нежелании поддержать новый крестовый поход и понимал нереалистичность обращения султана [Кардини, с. 183], то отцы-иезуиты в следующем столетии, несомненно, искренне надеялись на крещение падишаха.

Во второй половине XVI в. и для Венецианской республики, и для Португалии при всей острой торговой конкуренции между ними злободневным вопросом на Востоке оставался поиск потенциального союзника против Османской империи. На Средиземноморье после заключения мира с Османской империей Венецианской республикой (1573) и Испанией (1580) наступило относительное

затишье. Однако в акватории Индийского океана продолжалось противостояние между Османами и Португалией и в любой момент готово было вспыхнуть с новой силой. В 1581 г., уже после того, как Португалия оказалась в личной унии с Испанией под властью Филиппа II, османский корсар Мир Али-бег сумел с небольшими силами захватить и разграбить находившийся под властью Португалии Маскат и, по словам современника, «в мгновение ока вошел туда нищим, а вышел оттуда богачом» [Casale, p. 158]. Характерно, что, несмотря на настойчивые попытки османской дипломатии вбить в 1581 г. клин между португальскими властями Государства Индии и Филиппом и довольно сильные антииспанские настроения португальской знати, португальцы Гоа сохранили верность новому вице-королю Франсишку Маскареньяшу, назначенному Габсбургами. Усилия османского великого визиря Коджа Синан-паши склонить к союзу против Габсбургов падишаха Акбара также не имели успеха: Акбар, который уже достиг соглашения с Маскареньяшем, получив от него пропуски для двух судов с паломниками в год, и в ответ на предложение османских послов об альянсе велел заковать их в цепи и отправить в Лахор [Casale, p. 158–159]. Весьма вероятно, что упоминание в одном контексте как бедствий для Португалии чумы и вторжения армии Филиппа II и особенно – явная параллель с осадой Гоа войском султана Биджапура и последующей эпидемией в известии, полученном Бальби и его попутчиками, отражало точку зрения оппозиционно настроенной по отношению к Филиппу либо колеблющейся в условиях борьбы за португальский трон части португальской колониальной администрации и офицеров.

Насколько связаны, с точки зрения логики повествования, описания увиденного на море с последующими сообщениями о политических событиях в Индии в главе, кульминация которой – весть о принятии христианства «великим королем Магора», оказавшаяся недостоверной и продержавшаяся в уме Бальби и его попутчиков считанные часы? Комета в Средние века могла расцениваться как знамение скорой кончины монарха или, наоборот, рождения грядущего государя [Добиаш-Рождественская, с. 8]. Возможно, ассоциация с увиденной недавно кометой возникла у путешественника при известии о кончине короля Энрике. Увиденное в пути, скорее всего, наводило ювелира и его попутчиков на мысль о скором эпохальном событии и подкрепило в дальнейшем их готовность принять известие о крещении мусульманского государя. Появление неведомых существ или внезапный приход большого количества знакомых наблюдателю животных (к примеру, крыс) также могли ассоциироваться с приближением судьбоносных событий. Реплика купца про огромное количество мух после сообщения о множестве мечетей, несомненно, представляла собой нехитрую игру слов: мечети (moschee) в поле зрения автора сменились мухами (mosche) на корабле, доставившими множество неудобств. Мухи, широко представленные в христианской демонологии и ассоциирующиеся с Вельзевулом как «повелителем мух» [Махов, с. 93–94], могли видеться венецианцу предвестием нападения одной из крупных мусульманских держав на португальские колонии. То, что крупные рыбы производили большой шум, могло заставить наблюдателя задуматься о шуме, издаваемом демонами, явление которых в западной традиции обычно связывалось с чинимым

ими грохотом [Махов, с. 366]. Можно предположить, что этими рыбами вполне могли быть скаты манты с характерными «рожками». Любознательность по отношению к явлениям природы сочеталась у венецианского ювелира со страхом перед ними.

До Бальби дошли некоторые сведения о приезде ко двору падишаха иезуитов (отцов Св. Павла). 18 февраля 1580 г. в Фатехпур прибыла первая миссия иезуитов, в составе которой были трое: ученые миссионеры Родольфо Аквавива, Антониу де Монсеррате и переводчик-перс, обращенный в католицизм, Франсишку Энрикиш [Du Jarric, p. 70]. Иезуиты, стремившиеся обратить падишаха и его двор в христианство и чрезвычайно благосклонно принятые Акбаром, оказались в более сложной ситуации, чем предполагали. Акбар вместе с ближним кругом «просвещенных философов» проводил беспрецедентную реформу религиозной политики, отказавшись делить религии на «истинные» и «ложные» и опираясь одновременно на мистические идеи ряда мусульманских суфиев и индуистских бхактов о равной истинности религий и на рационалистический подход к религиозным системам, предполагавший глубокое знание их вероучений [Ванина, 2011, с. 43–44]. Принципиальная веротерпимость и интеллектуальные искания падишаха Акбара оказывались зачастую непонятны современникам как в его державе, так и за ее пределами. Оказывая почтение распятию и распорядившись обучать своих сыновей Библии, он не собирался, как того требовало принятие христианства, отказывать всем иным религиям, включая ислам, в истинности, чем шокировал и разочаровал иезуитов, которые в итоге покинули могольский двор, последним вернулся в Гоа сам Аквавива в 1583 г. [Ванина, 2011, с. 53–54; Du Jarric, p. 282].

Идеи *дин-и иллахи* («божественной веры») окружения падишаха остались неизвестны Гаспаро Бальби, который сообщил лишь о неудавшейся попытке обратить мусульманского государя и его народ в христианство и о недостоверных слухах, согласно которым Могольская империя якобы приняла христианскую веру. Почерпнутые позднее сведения об отъезде миссионеров ювелир мог в момент составления травелога «привязать» к воспоминаниям о прибытии в Диу. Среди подданных Акбара он упоминал лишь мусульман. Под готовящимся «подданными» падишаха убийством, вероятно, подразумевались одновременно резкое неприятие реформы Акбара со стороны значительной части высшей мусульманской элиты империи и выступление его сводного брата Мухаммада Хакима, закрепившегося в Кабуле [Алаев, с. 164].

Венецианские купцы Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби сохранили в травелогах образ империи Великих Моголов в основном как новой для Индии экспансионистской силы, постоянно расширяющей свои границы и обладающей громадной военной мощью, однако недостаточно известной и поэтому непредсказуемой. Показательно сравнение в травелоге Бальби империи Моголов с империей «Турка» по военной мощи не в пользу последнего. При этом империя Великих Моголов находилась на периферии их коммерческих интересов и поэтому оказалась лишена в травелогах отдельного описания. У Федеричи падишах Акбар – это «тиран» и захватчик. Травелог Бальби содержал уникальное свидетельство о ходивших в португальской торгово-мореходной среде слухах, согласно

которым миссия иезуитов ко двору Акбара якобы увенчалась триумфом христианской веры на Востоке. Явственного разрыва преемственности представлений об исламе, мусульманских великих державах и об Индии по сравнению с поздним Средневековьем в венецианских купеческих травелогах не прослеживается. В целом, новая великая держава в Южной Азии, империя Великих Моголов в период царствования Акбара, пожалуй, наиболее яркого и одаренного представителя династии, для двух венецианских наблюдателей еще не обрела четкого очертания в их стройной картотеке стран и народов «Индий».

Список литературы

Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб. : Алетейя, 2003. 304 с.

Ванина Е. Ю. Расцвет и падение империи Великих Моголов // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 20–33.

Ванина Е. Ю. «Просвещенные философы» и «сотоварищи Иисуса»: первый контакт интеллектуальных сообществ Индии и Запада // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 35–59.

Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов и ее герои. М. : Ломоносовъ, 2017. 208 с.

История Индии в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. М. : Наука, 1968. 726 с.

Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. СПб. : «Александрия», 2007. 332 с.

Котин И. Ю. Ислам в Южной Азии: мечом и молитвой. СПб. : Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2005. 256 с.

Лучицкая С. И. Крестовые походы. Идея и реальность. СПб. : Наука, 2019. 389 с.

Махов А. Е. HOSTIS ANTIQUUS: категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М. : Intrada, 2006. 416 с.

Новакова О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянов М. Ю. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). С. 5–20.

Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. М. : Новое издательство, 2004. 336 с.

Хазанов А. М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М. : РАУ-Университет, 2003. 320 с.

Хазанов А. М. Португальская колониальная империя, 1415–1974. М. : Вече, 2014. 381 с.

Balbi G. Viaggio dell'Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliero venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni consumati in esso dal 1579. fino al 1588. Venetia : Appresso Camillo Borgominieri, 1590. 318 p.

Charpentier J. Cesare di Federici and Gasparo Balbi // Geografiska Annaler. 1920. Vol. 2. P. 146–161.

Casale G. The Ottoman Age of Exploration. Oxford : Oxford University Press, 2010. 282 p.

Du Jarric P. Akbar and the Jesuits. An Account of the Jesuit Missions to the Court of Akbar by Father Pierre du Jarric, S. J. / Translated with Introduction and Notes by C. H. Payne. L. : George Routledge & Sons, 1926. 290 p.

Federici C. Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltra l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi. Venetia : Andrea Muschio, 1587. 174 p.

Flores J. Unwanted Neighbours: The Mughals, the Portuguese, and Their Frontier Zones. New Delhi : Oxford University Press, 2018. 288 p.

Roy K. Warfare in Pre-British India – 1500 BCE to 1740 CE. L.; N. Y. : Routledge, 2015. 280 p.

Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 472 p.

Stazzone A.Era da Venetia et haveva nome Gasparo Balbi. Traduire en français le *Viaggio dell'Indie Orientali* de Gasparo Balbi // Cahiers d'études italiennes. 2013. № 17. P. 143–165. [Электронный ресурс]. URL: http://journals.openedition.org/cei/1411 (date of access: 23.06.2023).

The Akbar Nama of Abu-l-Fazl / Transl. by H. Beveridge. – Vol. I. – Calcutta : Asiatic Society, 1907. 667 p.

The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515 / Transl. from the Portuguese MS in the Bibliotheque de la Chambre des Deputes, Paris, and ed. by Armando Cortesão. In 2 Vols. L. : The Hakluyt Society, 1944. xcvi, 578 p.

Tucci U. Balbi, Gasparo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1963. Vol. 5. [Электронный ресурс]. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/gasparo-balbi_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 14.05.2023).

Tucci U. Federici, Cesare // Dizionario Biografico degli Italiani. – 1995. – Vol. 45. [Электронный ресурс]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 13.10.2021).

Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali / A cura di Olga Pinto. Roma : Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. 437 p.

The article was submitted on 30.06.2023